

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

УДК 792.8

БАЛЕТ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО МАЛОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА (1941–1944)

*Н. Д. Сердюк*¹

¹ Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, ул. Зодчего Росси, 2, Санкт-Петербург, 191023, Россия

Одной из самых малоизученных страниц в истории Ленинградского государственного академического Малого оперного театра (МАЛЕГОТа) является работа театра в эвакуации в Чкалове в 1941–1944 годах. Этот период частично представлен в мемуарах некоторых артистов, однако сведения о военных годах, содержащиеся в них, не только очень отрывочны, но и не всегда точны, так как большая часть мемуарных записей была сделана значительно позже описываемых событий.

В работе предпринимается попытка реконструкции истории балетной труппы МАЛЕГОТа с 1941 по 1944 годы на основе уникальных материалов архива Михайловского театра, важнейшим из которых является неопубликованный военный дневник артиста оркестра Малого оперного театра Ивана Алексеевича Поломаренко (1876–1965).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Иван Поломаренко, балет МАЛЕГОТа, Чкалов, Оренбург, ленинградский балет

BALLET COMPANY OF THE LENINGRAD MALY OPERA THEATRE DURING THE EVACUATION (1941–1944)

*Natalia D. Serdyuk*¹

¹ Vaganova Ballet Academy, 2 Zodchego Rossi Str., St. Petersburg, 191023, Russia Federation

One of the most poorly studied periods in the history of the Maly Opera Theatre is its work during its evacuation in the town of Chkalov in 1941–1944. The period was covered in some of the memoirs of artists, but most of these recollections about the wartime are not only sketchy, but also written long after the described events, and therefore not always accurate. In this article, an attempt is made to reconstruct the life of the ballet company in this period on the basis of the unique materials of the Mikhailovsky Theatre archive, the most important of which is the unpublished diary of the orchestra musician Ivan Alekseevich Polomarenko (1876–1965).

Keywords: World War II, evacuation, Ivan Polomarenko, MALEGOT, Maly Opera Theatre, Chkalov, Orenburg, Leningrad ballet

Введение

Наименее изученной страницей истории МАЛЕГОТа является работа театра в эвакуации в Чкалове в 1941–1944 годах. Этот период был частично освещен в некоторых мемуарах артистов — балерин Натальи Шереметьевской [1] и Нины Миримановой [2], дирижеров Борис Хайкина [3] и Кирилла Кондрашина [4], режиссера Николая Горяинова [5]. Однако сведения о военных годах, содержащиеся в них, не только очень отрывочны, но и не всегда точны, так как большая часть мемуарных записей была сделана значительно позже описываемых событий. В книге Л. И. Абызовой «Военные хроники ленинградского балета» [6] история МАЛЕГОТа в эвакуации освещена тоже очень скупо, а в основу главы о Малом оперном театре также легли вышеупомянутые источники.

На сегодняшний день одним из самых подробных исследований, посвященных работе театра в эвакуации, является статья Р. Р. Хисамутдиновой и Д. К. Исмановой «Ленинградский государственный ордена Ленина академический Малый оперный театр в годы эвакуации на Чкаловской (Оренбургской) земле» [7], в которой деятельность труппы освещена на основе архивных документов, хранящихся в архивах Оренбурга. Однако официальные документы дают лишь приблизительное представление о реальной жизни артистов в эвакуации.

В данной работе предпринимается попытка воссоздания жизни артистов балета МАЛЕГОТа в эвакуации на основе архивных материалов Михайловского театра, важнейшим из которых является дневник арфиста оркестра МАЛЕГОТа Ивана Александровича Поломаренко (1876–1965) [8]. Именно ему мы обязаны подробной летописью жизни театра в 1941–1945 годах. Профессиональный музыкант, игравший в оркестре лейб-гвардии Преображенского полка и оркестре графа А. Д. Шереметева, служивший в театре с 1919 года, прилежно — почти ежедневно! — вел дневник, описывая быт и творческую жизнь, беды и радости труппы. В этой статье впервые публикуются фрагменты его воспоминаний, приливающие свет на работу МАЛЕГОТа в годы войны.

Методология исследования

В статье использован культурно-исторический подход, метод сравнительного анализа источников (в том числе архивных документов и личных свидетельств).

Первые дни войны и эвакуация театра

После объявления войны спектакли в МАЛЕГОТе давали до 1 июля 1941 года. В прежнем режиме проходили репетиции и ежедневный балетный класс, но текущий репертуар театра скорректировали, убрав из афиши иностранные названия. Так, например, вместо «Девушки с Запада» Пуччини 23 июня дали «Майскую ночь» Римского-Корсакова, 25-го вместо «Желтой кофты» Легара — «Поднятую целину» Дзержинского.

Со 2 июля по 16 июля 1941 года артисты считались продолжающими службу и были обязаны с 10 утра находиться на работе: кто-то получал наряды на рытье окопов, кто-то — на плетение маскировочных сеток. Как вспоминал режиссер

Николай Горяинов [5, с. 168], в июне театр получил задание изготовить фанерные макеты самолетов и танков, колеса для которых позаимствовали от телег из спектакля «Тихий Дон». Под руководством солистки оперы В. Петровой артистки собирали подарки мобилизованным в армию работникам театра. От МАЛЕГОТа добровольцами на фронт ушли, по разным сведениям, от 60 до 158 человек, по большей части — артисты оркестра и балета¹. Некоторых из них через две недели вернули в театр, предложив заняться своей прямой обязанностью [8, с. 4]. Но многие погибли на фронте — в их числе артисты балета Сергей Дубинин и Игорь Васильев, заведующая балетной труппой Любовь Баранович, художник Анатолий Коломойцев.

Отдельно выписывались наряды на концерты на сборных пунктах. Как вспоминала Наталья Шереметьевская, «приличных усилий там не было, поэтому требовался подходящий репертуар — попроще и повеселее, чтобы поднимать настроение призывникам и провожающим. Борис Фенстер за полчаса поставил номер на популярную песенку Исаака Дунаевского „Ой ты радость молодая невозможная...“ из фильма „Волга, Волга“, и я со своим партнером отплясывала его во многих призывных пунктах города» [1, с. 109–110].

Тем не менее, еще некоторое время театр продолжал жить привычной жизнью: с 16 июля 1941 года артисты МАЛЕГОТа официально находились в отпуске. Открытие нового сезона было запланировано на 23 августа. Однако 16 августа 1941 года состоялось общетеатральное собрание, на котором директор МАЛЕГОТа Г. Я. Тарасенко объявил об эвакуации, назначенной на 19 августа. Отправление, впрочем, довольно скоро перенесли на 21-е.

Отъезд театра запомнился многим: яркие картины встают в мемуарах дирижеров Бориса Хайкина, Кирилла Кондрашина, балерины Натальи Шереметьевской, артиста оркестра Ивана Поломаренко... «Прибываем на вокзал. Стоит громаднейший эшелон. Впереди четыре классных вагона, потом идут теплушки до самого конца. Значит, начальство и солисты в первых вагонах... Меня сейчас же назначили комендантом эшелона. Это обыкновенные вагоны, лежащие, плацкартные. А в середине вклеили двенадцать товарных вагонов, но они уже были забиты женой военнотружущих, защищавших остров Ханко..., но их успели эвакуировать и прямо в этот эшелон воткнули, и потом вагонов шесть МАЛЕГОТа. Там уже артисты оркестра, хористы, постановочная часть и так далее. <...> Наш состав занимал около километра», — вспоминал Кондрашин [4, с. 58].

Поезд МАЛЕГОТа простоял на Московском вокзале почти целые сутки после посадки пассажиров и отправился в Чкалов 22 августа около 9 часов вечера. Как вспоминал Поломаренко, «в вагонах подобрались своими компаниями. Так, в одном разместились преимущественно молодые певцы-солисты Шапошников, Казбанов, Бараев, Бутягин, Федорова, в другом — балетные» [8, с. 6–7]. Дорога заняла две недели: 4 сентября 1941 года, около 10 вечера, состав прибыл в Чкалов. Первую ночь МАЛЕГОТовцы провели в поезде, следующую неделю — в театре «на полу, у стен, устроив постели из своего багажа» [8, с. 7].

¹ Как вспоминает Наталья Шереметьевская, на фронт ушло более трети мужского состава балетной труппы [1, с. 112].

Повседневная жизнь театра в Чкалове

В Чкалове в распоряжение Малого оперного театра был отдан Театр музыкальной комедии, труппу которого война застала на гастролях в Молотове. Вернуться домой артистам удалось не сразу: железнодорожный транспорт был занят срочными перевозками грузов и эвакуацией людей. Лишь 8 августа 1941 года чкаловцы смогли выехать из Молотова. Однако большую часть декораций пришлось оставить. Дорога заняла около двух недель, да и родной город встретил нерадушно: выступать им было негде. 3 сентября 1941 года, за день до приезда ленинградцев, начальник Отдела по делам искусств при Чкаловском облисполкоме Г. И. Незнамов издал приказ: «В связи с направлением на работу в город Чкалов Ленинградского оперного ордена Ленина театра и предоставлением ему для работы здания театра музкомедии приказываю: ...областной театр оперетты с 1 сентября 1941 года перевести на стационарную работу в город Орск» [7, с. 105]. При этом орский и бугурусланский театры, «как не обеспечивающие при наличии оставшихся кадров полноценной деятельности и должного художественного качества спектаклей», были упразднены. Чкаловский театр музкомедии проработал в Орске два сезона, и лишь в 1943 году вернулся в областной центр, где им предоставили небольшую сцену клуба имени Дзержинского [9].

К сожалению, площадка чкаловской музкомедии оказалась не приспособлена для спектаклей ленинградского театра. «Это был Театр оперетты, крохотное помещение мест, наверное, на 300. Причем театр был совершенно разорен. Выяснилось, что оперетта была эвакуирована в Орск, <...> а так как все начальство имело в оперетте фаворитов, наш театр встретили не очень приветливо. Оперетта вывезла все, вплоть до выключателей. <...> Зеркало сцены — семь метров и никаких кулис. Сцена примерно метр до стены. Никаких подсобных помещений нет — всего три уборных с каждой стороны. Но как-то все-таки восстановили весь репертуар и стали готовить новый спектакль», — вспоминал Кондрашин [4, с. 61]. Хайкин писал: «Мы бросили все силы на прилаживание наших спектаклей к маленькой сцене Оренбургского театра, что оказалось делом отнюдь не легким» [3, с. 193]. Декорации и костюмы возобновлялись силами художников В. Н. Мешкова и М. Ф. Кобышева, а так как рабочих рук не хватало, им помогали и артисты труппы.

Но каким бы сложным ни был вопрос размещения в театре, повседневные проблемы, с которыми столкнулись ленинградские артисты, были не менее насущны. Во время войны Чкалов, население которого в 1939 году составляло 173 тысячи человек, принял около 75 тысяч людей, эвакуированных из разных районов СССР [7, с. 107], а потому вопрос обеспечения МАЛЕГОТа продовольствием и жильем встал особенно остро.

В декабре 1941 года в докладной записке, адресованной председателю комитета по делам искусств при СНК СССР М. Б. Храпченко², Г. И. Незнамов отчитывался: «Работа Ленинградского академического государственного ордена Ленина

² Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) в 1939–1948 годах являлся председателем Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Малого оперного театра оперы и балета в Чкалове в театре бывшей музкомедии, несмотря на не совсем приспособленное для работы здание, проводится весьма успешно. В течение полутора месяцев театр работает при абсолютных аншлагах. Общественность города с большим удовлетворением посещает спектакли и концерты. <...> Работники театра, несмотря на большие трудности в отношении жилья, полностью удовлетворены квартирами. Бытовые условия более или менее приличны, и вообще, работа этого театра проходит при вполне нормальных условиях» [10, л. 70]. Хайкин впоследствии тоже вспоминал, что в работе по расселению артистов и их семей «очень помогали городские власти и все население» [3, с. 193], однако на основе официальных документов и мемуарных свидетельств складывается другая картина.

В дневнике Поломаренко читаем: «6 сентября [1941 года]. С утра, как и все артисты, ходил с женой по городу искать комнату. Дома в большинстве маленькие, одноэтажные, часто вросшие в землю. Пыль классическая. Комнат нет, а если где и пускали, то одиночек или двух человек, не позволяя стирать белье, пользоваться кухней. <...> 11 сентября. С ордерами на жилплощадь борьба и вакханалия. <...> 15 сентября. Здешние аборигены враждебно настроены против эвакуированных и беженцев. Приезжие-де вызвали вздорожание продуктов питания, обострили жилищный вопрос и пр. Вселение в комнаты часто происходит при помощи милиции. Сегодня артист Пеляйнен рассказал, что его приход в назначенную ему по ордеру квартиру вызвал целую бурю страстей и длиннейший монолог в шекспировском стиле со стороны хозяина. Этот гражданин кричал, хрипел, плакал, разорвал свою шапку (трагически бросил ее на пол), и наконец заявил, что он, Пеляйнен, поселится в его доме, лишь „перешагнув через его труп“...» [8, с. 7–8].

К июню 1942 года проблемы с жильем все еще не были решены. В докладной записке в Чкаловский облсовет о деятельности театра за январь — май 1942 года Хайкин просил разрешить «затянувшийся вопрос с расселением хотя бы ведущей части коллектива, находящейся в невероятно тяжелых жилищных условиях (орденоносец М. А. Ростовцев, заслуженная артистка РСФСР О. Н. Головина, орденоносец Г. И. Исаева и др.), и разрешить вопрос о той части коллектива, которая на протяжении многих месяцев находилась под угрозой выселения квартирохозяевами, терпела оскорбления, скандалы, доходящие до избиения» [10, л. 70].

В эвакуацию артистам разрешили взять с собой не более 50 килограммов вещей, что особенно сказалось в первые месяцы пребывания ленинградцев в Чкалове. Крохи своего скудного скарба артисты продавали на рынке, меняли выдаваемую водку на продукты (впрочем, незаконно, так как чкаловский горсовет издал постановление, воспрещающее меновую торговлю). Страстные дебаты о керосине, дровах, картофеле, попытки их достать порой сказывались на спектаклях: «Играли и пели плохо — весь оркестр и некоторые певцы и хористы днем работали на огороде, все устали». «„Колбаса, колбаса и колбаса“ — это слово царило вчера и висело в воздухе сегодня, заслоняя собою и политику, и войну», — читаем в дневнике Ивана Поломаренко. Артистам балета был назначен увеличенный паек, и некоторых артистов оперы и оркестра, которым требовалась помощь, «переводили» в ба-

летнюю труппу. Однако самим балетным это не всегда помогало. 4 мая 1942 года Поломаренко записал: «В антрактах — продовольственные разговоры и ссоры; особенно отличился в них виолончелист Орловский. Он нападал на балетных артистов, говоря, что они не стоят того увеличенного пайка, который получают. Флейтист Островский заступился за них: „Вы посмотрите, как Соколов вертит своих дамочек. Не покорми его, так ведь он изуродует человека“. Островский прав. Не так-то просто выделять различные па, а тем более прыгать и кружиться. Наш брат сделает два круга, и готов, свалился. А балетные спецы, как волчки, должны вертеться по 20 раз подряд и ни в коем случае не падать. И что ж! Стали валиться... На репетиции упала Исаева; всегда спотыкается и держится за пол Тулубьев. Думаю, это от недоедания» [8, с. 43].

МАЛЕГОТовцы давали концерты «за муку, и за хлопок, и за картошку, и за крупу, в общем, шикарные концерты. Но один концерт был такой, какой никто ожидать не мог — в ассенизационном обозе; и каждому, кто принимал участие в концерте, обязались вывезти две бочки из его дворовой уборной — очень насущный вопрос» [4, с. 62]. К концу эвакуации многие освоили новые профессии. 24 июня 1943 года Поломаренко писал: «Возрос контингент артистов, работающих на Мясокомбинате, в бригаде нашего бывшего завхоза Дехтерева, сумевшего обособиться там. Из разговоров товарищей понял, что сегодня туда ходили даже женщины, например, Уманская, несколько часов подметавшая двор и за это получившая 5 кило костей; другим выдают кровяную колбасу и пр. Полученную таким образом „натуру“ артисты малую часть оставляют себе, а большую — продают на рынке. <...> На улице я встретил как-то валторниста А. Иванова, идущего за возом, груженным мешками муки или известки. В спецкостюме, обильно, с ног до головы засыпанный белой пудрой, он уверенно шагал с вожжами в руках и понукивал свою клячу с видом профессионального возчика» [8, с. 110].

Первый чкаловский сезон (1941–1942)

По приезде артистам театра на обустройство дали меньше двух недель. Уже 16 сентября 1941 года состоялась первая репетиция, а 20-го — первая чкаловская премьера МАЛЕГОТа: новый сезон открыли «Черевичками» П. И. Чайковского на сцене Летнего театра в Чкалове.

В труппе царило настроение скорого возвращения в Ленинград, подкрепляемое официальной пропагандой: выступления театра первое время именовались гастрольями. Так, например, 14 сентября 1941 года в газете «Чкаловская коммуна» была опубликована заметка Г. И. Незнамова «Театр замечательных мастеров» с подзаголовком «К предстоящим гастрольям в Чкалове Ленинградского ордена Ленина Академического Малого оперного театра» [11], 23 сентября — статья В. Всеволодского³ «Открытие гастролей Ленинградского ордена Ленина Оперного театра» [12], 19 сентября — реклама начала «гастролей» МАЛЕГОТа (со временем превратившаяся в объявления о спектаклях театра).

³ Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс (1882–1962) — актер, театровед, отец балерины МАЛЕГОТа Ольги Всеволодской (Голушкевич), находился в эвакуации в Чкалове вместе с театром.

Тем не менее, руководство Малого оперного было настроено на долгосрочную работу. Накануне начала работы труппы, 15 сентября 1941 года, Борис Хайкин, на тот момент — художественный руководитель и главный дирижер театра, представил Незнамову докладную записку о репертуаре театра на будущий сезон 1941/42 года [13, л. 27]. По степени готовности к показу Хайкин выделял 13 оперных постановок текущего репертуара, из них: 4 оперных спектакля, не обеспеченных полностью материальной частью (декорации и костюмы для них были привезены в город Чкалов только частично)⁴, и 4 спектакля текущего репертуара балетной труппы — «Коппелию» и «Фадетту» Делиба, «Кавказского пленника» Асафьева, «Сказку о попе и его работнике Балде» Чулаки.

В первом чкаловском сезоне подлежали возобновлению еще 5 опер⁵; к постановке планировалось 9 новых спектаклей — 6 оперных⁶ и 3 балетных. В связи с этим Хайкин просил обеспечить театр декорационными, костюмерными, бутфорскими мастерскими и урегулировать вопрос о снабжении театра материалами для изготовления декораций и костюмов. 28 октября 1941 года на совещании представителей театральных организаций директор МАЛЕГОТа Г. Я. Тарасенко указывал, что «в военных условиях в Чкалове театру необходимо выпускать значительно больше спектаклей, но при этом не допускать снижения их художественного уровня» [7, с. 107]. Что касается балета, то театр явно стремился заполнить пробелы в классическом репертуаре: кроме «Мнимого жениха» Чулаки, в планах, о которых доложил Хайкин в сентябре 1941 года, стояли «Щелкунчик» Чайковского и «Дон Кихот» Минкуса [13, л. 27].

Любопытно, что планы эвакуированного в Чкалов театра по-прежнему сверялись с планами Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, находившегося в эвакуации в Молотове. 26 декабря 1941 года на общетеатральном собрании Хайкин сделал доклад, посвященный планам театра. И. А. Поломаренко записал в дневнике: «Мы слышали только приятные новости. Главное: Хайкин говорил по прямому проводу с председателем Комитета искусств Храпченко. Последний запросил, имеется ли у нас план работ, на что Хайкин ответил, что работа идет по заготовленному плану на целый год. Ознакомившись с нашим планом, Храпченко вычеркнул намечавшиеся у вас постановки балета „Лебединое озеро“ и оперы „Аида“ на том основании, чтобы избежать параллелизма, ибо эти пьесы входят в репертуар б. Мариинского театра. Из этого мы заключили, что скоро вернемся в Ленинград и будем работать одновременно с б. Мариинским театром» [8, с. 22]. Предположения артистов не оправдались: за три сезона, проведенные МАЛЕГОТом в Чкалове, театр так и не получил разрешения на постановку балетной «классики».

⁴ «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Свадьба Фигаро» В.-А. Моцарта, «Тихий Дон» И. И. Дзержинского.

⁵ «Нищий студент» К. Миллекера, «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Богема» Дж. Пуччини, «Там, где жаворонок поет» Ф. Легара, «Корневильские колокола» Р. Планкетта.

⁶ «Дубровский» Э. Ф. Направника, «Аида» Дж. Верди, «Мазепа» П. И. Чайковского, «Гроза» И. И. Дзержинского и опера на тему Отечественной войны М. И. Чулаки и В. В. Волошинова.

Исследовательница советской музыкальной культуры Е. С. Власова в своей диссертации отмечает, что «постепенно, к концу 1940-х — началу 1950-х годов в отечественном музыкальном театре произошло его качественное изменение — советизация репертуара. Советские опера и балет заняли преобладающее место. <...> Сформировался новый устойчивый тип художественного сознания, в котором ангажированность социальными задачами стала преобладающим фактором в художественном процессе» [14, с. 11]. Однако пример МАЛЕГОТа показывает, что процесс советизации репертуара был запущен значительно раньше. 13 февраля 1942 года Хайкин на общетеатральном собрании заявлял: «Наш репертуар должен слагаться преимущественно из тех пьес, которые будут поставлены в Ленинграде после нашего возвращения, из него будут исключены оперы тяжелого содержания („Кровь народа“, предполагавшаяся к постановке „Гроза“ и пр.), а будут разучены две-три легких оперетты, новый советский балет, советская опера и пр. Последнее соображение исходит от Храпченко, с которым Хайкин беседовал в Куйбышеве по вопросу репертуара» [8, с. 29]. Однако, хотя в планах театра на 1943 год стоял «военный» балет Чулаки «Два мира», несмотря на пожелания руководства, советского балета (в отличие от оперы) за время эвакуации в МАЛЕГОТе так и не поставили.

Первый балетный спектакль в эвакуации МАЛЕГОТ показал 7 ноября 1941 года. Выбор пал на постановку Л. М. Лавровского 1938 года «Кавказский пленник»⁷, которую восстановил балетмейстер Владимир Варковицкий. Чкаловская публика, с восторгом принимавшая симфонические концерты в исполнении оркестра театра и с удовольствием знакомившаяся с оперным искусством, балет приняла без восторга и окрестила хореографические постановки «немой оперой». Поломаренко записал в своем дневнике: «7 ноября [1941 года]. Утром ходили на демонстрацию. Снова порядочный мороз, но без снега. Ветер крутил оренбургскую пыль. Все перемерзли. Наши духовики составили из себя недурной военный оркестр, шествовавший во главе други местных оркестрантов. Вечером шел балет „Кавказский пленник“, кажется, впервые для Оренбурга, ибо с музыкально-театральным искусством этого вида жители города совершенно не знакомы. Балет не имел никакого успеха. Говорят, зрители остались в недоумении и наивно спрашивали друг друга: „Отчего артисты не поют и не говорят? Очевидно, они простудились на демонстрации?“. Похоже на анекдот» [8, с. 14]. Судя по всему, с годами постановка «Кавказского пленника» так и не завоевала любовь чкаловской публики. В дневнике Поломаренко от 16 января 1944 года читаем: «Вместо „Кавказского пленника“, по репертуару, дали „Евгения Онегина“ под управлением Хайкина. <...> Об этой перемене спектакля, „по болезни ведущих артистов балета“, было объявлено публично, но она не протестовала, наоборот, дружно аплодировала» [8, с. 142].

Интересно, что первое выступление балетной труппы ленинградского Театра им. С. М. Кирова в эвакуации в Молотове тоже не вызвало интереса у местной

⁷ Балет в трех действиях с прологом «Кавказский пленник». Премьера в МАЛЕГОТе — 14 апреля 1938 года. Музыка Б. В. Асафьева. Либретто Л. М. Лавровского, Н. Д. Волкова, И. С. Зильберштейна по поэме А. С. Пушкина. Постановка Л. М. Лавровского, ассистент — Б. А. Фенстер, художник — В. М. Ходасевич.

публики: «Лебединое озеро», в котором выступали Наталия Дудинская (Одетта), Фея Балабина (Одиллия) и Константин Сергеев (Зигфрид), оставило молотовцев равнодушными. Дудинская вспоминала: «Сейчас в это трудно поверить, но, когда наш театр приехал в Пермь (тогда Молотов), пермяки не принимали балет и не понимали его» [15, с. 24].

Несмотря на холодный прием первого балетного спектакля МАЛЕГОТа в эвакуации, в течение первого же сезона были подготовлены и показаны почти все довоенные хореографические постановки (кроме постановки Фенстера 1940 года «Ашик-Кериб»). В январе 1942 чкаловский репертуар театра добавился «Коппелия»⁸, в феврале — «Фадетта»⁹, в мае — «Сказка о попе и работнике его Балде»¹⁰.

За возобновление «Коппелии» Федора Лопухова в Чкалове отвечал артист Сергей Заборский. Состав исполнителей был практически довоенным: Коппелиус — Михаил Ростовцев, Сванильда — Галина Исаева, Франц — Николай Соколов.

Как вспоминает балерина Наталья Шереметьевская, первые месяцы в эвакуации балетная труппа работала без художественного руководителя, поэтому возобновление спектакля Леонида Лавровского «Фадетта» поручили ей. «В балете, как на сцене, так и в оркестре, много „грязи“, постановка, в сравнении с ленинградской, довольно бедная. Несмотря на это, балет имел успех», — писал Поломаренко о «Фадетте» [8, с. 29]. На чкаловской премьере 15 февраля 1942 года заглавную партию исполнила Галина Исаева, Виктор Тулубьев — роль Рене, Проспера — Николай Филипповский, Андре — Николай Соколов; дирижировал Кирилл Кондрашин.

О подготовке и премьере чкаловского спектакля «Балда» до нас дошли подробные заметки Поломаренко: «16 апреля 1942 года. Всю текущую неделю репетируем „Балду“. В балете имеются новые номера, сделаны новые купюры в музыке и произошли изменения сценического действия, ибо малые размеры сцены не позволили целиком возобновить ленинградскую постановку. <...> Репетиции, в особенности общие, проходят крайне сумбурно. Дело в том, что балетмейстер Варковицкий, человек безусловно талантливый, крайне недисциплинирован в своей творческой фантазии, и часто, придумав сегодня какой-либо балетный трюк, завтра его отменяет и изобретает новый» [8, с. 40]. Интересно, что подобного рода претензии уже предъявлялись молодому хореографу. Еще при подготовке ленинградского спектакля артист балета Александр Сычков, исполнявший в спектакле роль Попа, писал в театральной газете: «Тов. Варковицкий приходит на репетиции, не имея для себя плана работы, создавая такой план в процессе репетиции. Вещи, ранее поставленные, он переделывает по нескольку раз, чем вызывает большие трудности для создания образа актером. Как правило, им пе-

⁸ Чкаловская премьера состоялась 10 января 1942 года под управлением Э. П. Грикурова.

⁹ Балет в трех действиях, четырех картинах «Фадетта». Музыка Л. Делиба, либретто Л. М. Лавровского и В. Н. Соловьева. Постановка Л. М. Лавровского, художник — Б. М. Эрбштейн. Премьера в МАЛЕГОТе состоялась 9 июня 1936 года. Чкаловская премьера «Фадетты» прошла 15 февраля 1942 года под управлением К. П. Кондрашина.

¹⁰ Чкаловская премьера спектакля (под названием «Балда») прошла 1(2?) мая 1942 года под управлением Б. Э. Хайкина.

ределяется все, что ранее было поставлено» [16]. Тем не менее, премьера балета прошла очень успешно. Как записал Поломаренко, «отлично танцевали Соколов, Исаева, Мириманова, Тулубьев, Вариченко и др. По окончании спектакля публика вызвала композитора Чулаки, балетмейстера Варковицкого, художника Кобышева и дирижера Хайкина. В Ленинграде в „Балде“ участвовали дети из хореографического училища. Здесь их нет, и их пришлось заменить детьми наших артистов и служащих, между которыми нашлись большие таланты. Так, 7-летний сынишка валторниста Александрова Павлуша (отчаянный шалун и сорвиголова) прекрасно исполнил роль горшка. В роли маленькой цыганки хорошо танцевала внучка декоратора Скачкова, самовар изображал Леня Павлов (сын покойного валторниста) и др. Эти же дети обучены пению и участвуют в „Пиковой даме“ и „Кармен“» [8, с. 43]. Декорации, выполненные по эскизам художника А. А. Коломойцева, остались в Ленинграде, поэтому в Чкалове были написаны новые (уже по эскизу М. Ф. Кобышева)¹¹. 20 мая 1942 года приказом начальника Чкаловского областного отдела искусств Г. И. Незнамова коллективу Ленинградского ордена Ленина Государственного Академического Малого оперного театра и композитору М. И. Чулаки за постановку балета «Балда» в Чкалове была вынесена благодарность.

С декабря 1941 года в чкаловских афишах театра появляется «концертное отделение» с участием артистов балета, которое идет вторым отделением после одноактных опер «Паяцы» и «Иоланта». Видимо, этот дивертисмент менялся от спектакля к спектаклю, однако само балетное отделение оставалось в репертуаре до самого отъезда театра. В архиве театра сохранились до сих пор не атрибутированные эскизы костюмов, предположительно, художника В. Н. Мешкова, созданные, скорее всего, именно для этого дивертисмента. Среди них — костюмы Волка и Красной Шапочки, Кота и Кошечки, Испанца и Испанки, Деда Мороза и Снегурочки. Этому предположению находится подтверждение в дневнике Поломаренко, который 20 мая 1943 года записал: «во второй части вечера состоялся концерт (балет) на музыку Чайковского. Этот балет предназначался еще для премьеры „Иоланты“, но все откладывался из-за несшитых костюмов. Исполняли „Вальс цветов“ из „Щелкунчика“, „Танец лебедей“ из „Лебединого озера“, „Кот и кошечка“ из „Спящей красавицы“, „Снегурочка и Дед Мороз“ (инструментовка Грикурова), „Камаринская“ (инструментовка Грикурова), „Дон Жуан“ в исполнении Андруковича с оркестром (инструментовал Хайкин) на фоне балетной инсценировки — с гитарой, дуэлью, обманутым мужем в ночном одеянии и пр. (балетмейстер Варковицкий); было и еще что-то. Все это имело успех» [8, с. 105]. Можно предположить, что таким образом артисты балета дополнили свой репертуар фрагментами «запрещенных» классических спектаклей.

¹¹ В архиве Михайловского театра хранится эскиз декораций М. Ф. Кобышева, выполненный по мотивам работы А. А. Коломойцева. Когда было невозможно вывезти костюмы и декорации к спектаклю, в эвакуацию забирали эскизы. Так, например, кроме работ Коломойцева, в Чкалове побывали и эскизы Л. Т. Чупятова к «Пиковой даме».

Второй (1942–1943) и третий (1943–1944) чкаловские сезоны

Помимо ежедневной работы в Чкалове артисты театра давали шефские концерты в госпиталях, мобилизационных и агитпунктах: за годы войны было сформировано 12 фронтовых бригад. Эти концерты, радость для многих фронтовиков, порой оборачивались тяжелой повинностью для артистов, которые проводили на таких «гастролях» до трех месяцев. 19 декабря 1942 года Поломаренко записал: «В очередном „приказе“ дирекции отмечена плохая работа наших артистов по линии военно-шефских выступлений. В одном из недавних концертов, например, вместо назначенных десяти человек, в госпиталь явилось только четыре. В приказе подчеркивается, какое значение имеет военно-шефская работа особенно теперь, в дни Отечественной войны. Эта работа вменяется артистам как обязательная, зачисляется им в норму, и неявка на нее рассматривается как прогул. В результате „строгий выговор с предупреждением“ получили: режиссер Соловьев за нераспорядительность, заведующая балетом Аппак, балетмейстер Варковицкий, балетный артист Ермолаев и певица Овчаренко. Аппак, кроме того, снята с поста зав. балетом, „как не справившаяся со своей работой“; вместо нее назначен артист Рыхляков¹². В начале войны Рыхляков принимал участие в боях с немцами (очень интересны его воспоминания об этом), был ранен и долго лечился; летом вернулся к нам полуинвалидом (рана в шею не позволяет ему вертеть головой), поэтому не танцует, но для работы заведующего вполне пригоден. Носит серую шинель и шапку-шлем» [8, с. 81–82].

Эти перестановки стали предвестником дальнейших изменений. Борис Хайкин, с декабря 1941 года занимавший должность директора МАЛЕГОТа, в мае 1943 года был назначен художественным руководителем Театра оперы и балета им. С. М. Кирова и уехал в Молотов (Пермь). Новым директором театра назначили ленинградца Г. М. Коркина¹³. В августе 1943 года произошли перестановки и в руководстве балетной труппы. 5 августа 1943 года вышел приказ Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР: «Т. Фенстеру Борису Александровичу вернуться по месту своей постоянной работы в Ленинградский Государственный Академический Малый Оперный театр в г. Чкалов» [17, л. 12]. В 20-х числах августа в Чкалов также приехал балетмейстер Федор Лопухов, как писал Поломаренко, «возможно, в связи с отъездом в Москву Варковицкого, покидающего нас совсем. В „приказе“ Лопухов назначен художественным руководителем балета» [8, с. 117]. Балетная труппа театра вновь получила художественного руководителя.

Несмотря на то, что приказом Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР на Фенстера исполнение обязанностей балетмейстера было официально возложено лишь с 1 сентября 1943 года [17, л. 12], уже в ав-

густе его имя появилось в чкаловских афишах театра. Указание на это встречаем и в воспоминаниях Поломаренко: «27 августа 1943 года. Дали балет „Фадетта“. Оркестр настроен был хорошо играть, быть может, в противовес опере Дзержинского, которую репетировали днем, ибо музыка Делиба, что ни говори — настоящее искусство, являющееся из души человека. До спектакля наш новый балетмейстер Федор Лопухов проявил внимание к оформлению сцены, пытался добиться улучшения, но сцена так мала, что из его добрых желаний пока почти ничего не вышло. Ему помогал и приехавший сюда Борис Фенстер, очевидно, снова принятый к нам на службу. В афишах сказано, что постановка „Фадетты“ возобновлена Фенстером» [8, с. 118–119].

Хотя официально должность художественного руководителя труппы занимал Лопухов, многие заботы об артистах взял на себя именно Фенстер. В дневнике Поломаренко читаем: «20 марта 1944 года. Фенстер, играющий у нас роль балетмейстера, помощника Лопухова, жаловался на голодное положение балетной труппы. Балетные артисты недоедают, они истощены. Фенстер хочет ходатайствовать, что, ввиду такого положения, необходимо прекратить для балетных репетиции по утрам и подождать с новыми постановками, дабы у них хватило сил участвовать в вечерних спектаклях. Думаю, что этого он не добьется» [8, с. 155].

Поломаренко оказался прав: 1 мая 1944 года прошла последняя балетная премьера в эвакуации — «Тщетная предосторожность» в постановке Федора Лопухова¹⁴. Партию Лизы исполнила Галина Исаева, Колена — Михаил Собо, Никеза — Виктор Тулубьев. Ставя своей задачей приблизиться к добервалевскому спектаклю (первому варианту балета), Лопухов многое переработал — например, превратил обычно мимическую партию Никеза в сложную танцевальную роль с прыжками и пируэтами. Рецензент «Чкаловской коммуны» Г. Соловьева отмечала, что это был «очень светлый, запоминающийся спектакль, имевший исключительно восторженный прием у зрителя и вписавший новую яркую страницу в историю развития советской хореографии» [18].

Заключение

Малый оперный театр находился в Чкалове ровно три года: с 4 сентября 1941 по 4 сентября 1944 года. В Чкалове был возобновлен почти весь балетный репертуар театра: были поставлены «Кавказский пленник», «Фадетта», «Коппелия», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Тщетная предосторожность». Так как сцена чкаловского театра была значительно меньше ленинградской, спектакли адаптировали под новые условия. Репертуар также пополнился классическими балетными номерами на музыку П. И. Чайковского. Во время эвакуации художественным руководителем балета театра вновь был назначен Федор Лопухов, однако почти сразу по возвращении труппы в Ленинград с 1 октября 1944 года ис-

¹² Николай Николаевич Рыхляков, выпускник Петроградского хореографического училища 1923 года.

¹³ Коркин Георгий Михайлович (1904–1976) — заслуженный работник культуры РСФСР. В 1956–1959 годах — директор Ленинградского БДТ. В 1959–1961 годах — директор ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова (уволен после невозвращения с гастролей Р. Нуриева). Позже — директор Ленконцерта.

¹⁴ «Тщетная предосторожность» — балет в трех действиях. Музыка П. Гертеля, дополненная В. П. Соловьевым-Седым. Музыкальная редакция Е. М. Корнблита. Постановка Ф. В. Лопухова, ассистент балетмейстера — Б. А. Фенстер. Концертмейстер — Б. А. Орловская. Костюмы по эскизам В. М. Купер (согласно информации на афише).

полняющим обязанности художественного руководителя балетной труппы Малого оперного театра был назначен его ученик и помощник, балетмейстер Борис Фенстер. Именно он поставил в Ленинграде первый послевоенный балет МАЛЕГОТа — «Мнимый жених» на музыку Михаила Чулаки. Именно с его именем связана следующая эпоха в истории балета Малого оперного театра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шереметьевская Н. Е. Длинные тени: о времени, о танце, о себе. М.: Редакция журнала «Балет», 2007. 446 с.
2. Мириманова Н. Песня о Неве URL: http://www.russianballet.ru/line/line2005/line10_05.htm (дата обращения: 7 июня 2017).
3. Хайкин Б. Э. Беседы о дирижерском ремесле. Статьи. М.: Советский композитор, 1984. 264 с.
4. Разников В. Кирилл Кондрашин рассказывает о музыке и жизни. М., 1989. 256 с.
5. Горяинов Н. Государственный ордена Ленина академический Малый оперный театр // Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны. М.–Л.: Искусство, 1948. С. 167–177.
6. Абызова Л. И. Военные хроники ленинградского балета. СПб.: Академия Рус. балета им. А. Я. Вагановой, 2015. 204 с.
7. Хисамутдинова Р. Р., Исманова Д. К. Ленинградский государственный ордена Ленина академический Малый оперный театр в годы эвакуации на Чкаловской (Оренбургской) земле // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2013. № 4. С. 105–122.
8. Поломаренко И. А. Театр в эвакуации (Из записок музыканта). // Архив Михайловского театра. 207 с.
9. Оренбургский театр музыкальной комедии в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://orenmuzcom.ru/bessmertnyij-polk/orenburgskij-teatr-muzyikalnoj-komedii/> (дата обращения: 29 октября 2017).
10. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 174 Л. 70.
11. Незнамов Г. И. Театр замечательных мастеров // Чкаловская коммуна. 10 мая 1944.
12. Всеволодский В. Открытие гастролей Ленинградского ордена Ленина Оперного театра // Чкаловская коммуна. 23 сентября 1941.
13. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1581. Оп. 2. Д. 17. Л. 27.
14. Власова Е. С. Советское музыкальное искусство сталинского периода. Борьба агитационной и художественной концепций: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М. 2010. 42 с.
15. Дудинская Н. С самыми добрыми чувствами / Запись Б. Илларионова // Пресс-бюллетень III конкурса артистов балета России «Арабеск-94». 1994. № 4. С. 24.
16. Сычков А. Ф. Ускорить подготовку нового спектакля // За большевистский театр. 21 октября 1939 года. № 24 (89). С. 1.
17. Приказы Всесоюзного комитета по делам искусств. 1943 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 12.
18. Соловьева Г. Тщетная предосторожность // Чкаловская коммуна. 10 мая 1944. № 92 (5142).

REFERENCES

1. Sheremetyevskaya N. E. Long Shadows: About Time, Dance, Myself. Moscow: Ballet Magazine, 2007. 446 p. (in Russ.)

2. Mirimanova N. Song about the Neva river. URL: http://www.russianballet.ru/line/line2005/line10_05.htm (accessed: 7 June 2017). (in Russ.)
3. Haykin B. E. Conversations on Being a Conductor. Moscow: Soviet Composer, 1984. 264 p. (in Russ.)
4. Razhnikov V. Kirill Kondrashin about Music and Life. Moscow: 1989. 256 p. (in Russ.)
5. Goryainov N. The Order of Lenin State Academic Maly Opera Theatre. Leningrad Theatres during the Great Patriotic War. Moscow–Leningrad: Art, 1948. P. 167–177. (in Russ.)
6. Abyzova L. I. The Wartime Chronicles of the Leningrad Ballet. St Petersburg: Vaganova Ballet Academy, 2015. 204 p. (in Russ.)
7. Khisamutdinova R. R., Ismanova D. K. The Leningrad Order of Lenin Academic State Maly Opera Theatre during Evacuation in Chkalov (Orenburg). Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, 2013. Vol. 4. P. 105–122. (in Russ.)
8. Polomarenko I. A. The Theatre Evacuated (From the Musician's Notes) 207 p. (in Russ.) Kept in the Archive of the Mikhailovsky Theatre
9. The Orenburg Theatre of Musical Comedy during the Great Patriotic War. URL: <http://orenmuzcom.ru/bessmertnyij-polk/orenburgskij-teatr-muzyikalnoj-komedii/> (accessed: 29 October 2017). (in Russ.)
10. The State Archive of the Orenburg Region. Fund 1014. Inventory. 2. Dossier 174. List 70. (in Russ.)
11. Neznamov G. I. Theatre of Great Masters. Chkalov Communa newspaper. 10 May 1944. (in Russ.)
12. Vsevolodsky V. Start of the Leningrad Order of Lenin Opera Theatre Tour. Chkalov Communa newspaper. 23 September 1941. (in Russ.)
13. The State Archive of the Orenburg Region. Fund 1581. Inventory 2. Dossier 17. List 27. (in Russ.)
14. Vlasova E. S. Soviet Music of Stalin's Time. The Duel of the Propaganda and Artistic Conceptions. Extended abstract of Dr habil. dissertation: 17.00.02. Moscow, 2010. 42 p. (in Russ.)
15. Dudinskaya N. With best regards. Interview recorded by Boris Illarionov. Press Bulletin of the III Competition of Russian Ballet Dancers Arabesque'1994. 1994. Vol. 4. P. 24. (in Russ.)
16. Sychkov A. F. To Speed Up the New Production. For the Bolshvik Theatre newspaper. 21 October 1939 года. Vol. 24 (89). (in Russ.)
17. Orders of the National Committee for Arts. 1943. The St Petersburg Central Archive of Literature and Art. Fund 290. Inventory 1. Archival unit 123. List 12. (in Russ.)
18. Solovyova G. La Fille mal gardee. Chkalov Communa newspaper. 10 May 1944. Vol. 92 (5142). (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. Д. Сердюк — nat.serdyuk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia D. Serdyuk — nat.serdyuk@gmail.com